

учебное пособие. Минск: БГУ, 2002. 104 с.

Соловьев, Пугачев, 2005 – *Соловьев А.И., Пугачев В.П.* Введение в политологию. Москва: Аспект-Пресс, 2005. 477 с.

Соловьев, Решетов, 1999 – *Соловьев, А.И., Решетов К.И.* Политическая реклама в коммуникативной стратегии государства // Вестник Моск. ун-та. Серия 12. Политические науки. 1999. №3. С. 62–79.

Хатингтон, 2012 – *Хатингтон С.Ф.* Концепция модернизации в зарубежной социально-политической теории 1950-1960 гг. Москва: ИНИОН РАН, 2012. 212 с.

Ципинова, Дзусова, Волик, 2020 – *Ципинова А.С., Дзусова И.Г., Волик М.В.* Интернет-технологии и их роль в бизнесе // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2020. № 2 (111). С. 76–78.

УДК 316.344.2

Захаров С.М.,

*кандидат политических наук,
ассистент кафедры истории,*

*Российский государственный аграрный университет –
МСХА имени К.А. Тимирязева.*

Провинция и центр: к вопросу об экономическом соотношении

DOI: 10.33979/2587-7534-2023-4-214-223

В статье рассматриваются экономические предпосылки формирования отношений между центром и провинцией. Автор делает акцент на том, что именно экономические факторы играют ключевую роль в образовании центра, которые впоследствии наполняются политическими и культурными смыслами.

В рамках статьи автор приходит к выводу, что, несмотря на возможные изменения конфигурации распределения центров и провинциальных областей, принципы, заложенные в их взаимодействии, будут неизменными. Центр будет иметь широкие финансовые возможности и обладать способностью к формированию смыслов, а провинция, сохраняя статус поставщика различного рода ресурсов, будет испытывать их дефицит, приводящий к утрачиванию политической субъектности.

Ключевые слова: *дискурс, периферия, провинция, центр, экономика.*

Zakharov S.M.,

*Candidate of Political Sciences,
Assistant, Department of History,*

*Russian State Agrarian University –
Moscow Timiryazev Agricultural Academy.*

Province and center: on the question of economic correlation

The article examines the economic prerequisites for the formation of relations between the center and the provinces. The author emphasizes that economic factors play a key role in the formation of the center, which are subsequently filled with political and cultural meanings. Within the framework of the article, the author concludes that despite the possible changes in the configuration of the distribution of centers and provincial areas, the principles inherent in their interaction will remain unchanged. The center will have ample financial resources and the ability to form meanings, while the provinces, while maintaining their status as suppliers of various kinds of resources, will experience a lack of them, leading to the loss of political subjectivity.

Keywords: *discourse, periphery, province, center, economy.*

Исследование взаимоотношений между центром и провинцией имеет важное значение для научного дискурса об устойчивом региональном развитии. Ретроспективный взгляд и академические исследования, направленные на понимание этого процесса, позволяют говорить о том, что природа их взаимодействия включает в себя как партнерские отношения, так и основания для противопоставления друг другу. Указанные особенности справедливы для различных сфер общественной жизни. В данной статье фокус нашего исследования обращен на экономическую сферу, которая во многом детерминирует социально-политические и культурные процессы.

Предметом исследования выступает процесс взаимоотношения между центром и провинцией с точки зрения экономического соотношения.

Проблема исследования заключается в том, что власть в полной мере не может реализовывать политику, способную сократить диспропорцию между центром и провинцией, а также создать лучшие условия для жителей последней.

Цель исследования – обеспечить более полное понимание роли экономики в формировании отношений между центром и провинцией.

Взаимоотношение провинции и центра в определенной степени можно рассматривать как конфликт, что дает возможность обратиться к конфликтологическому методу, посредством которого можно оценить потенциал каждой пространственной области.

В исследовании также используется метод дискурс-анализа, который позволяет увидеть экономический контекст в понятиях «провинция» и «центр».

Неравномерность развития территорий дает основание для выделения экономической дифференциации «центра» и «периферии». В этой связи важным становится процесс формирования пространства провинции и факторы, способствующие образованию центра (города).

По замечанию В. Звоновского, становление социального ландшафта, в результате которого пространство оформляется как провинция, проходит в три основных этапа.

1. Своеобразный «нулевой цикл», фиксирующий географическую и геополитическую действительность.
2. Социальное упорядочивание пространства, появление совместной деятельности населения, формирование и развитие общественных институтов.
3. Формирование города как ядра социальной системы [Звоновский, 2003: 79–80].

Специфика ландшафта и ресурсной сосредоточенности, расположение торговых путей, условия для воспроизводства населения, соседство с другими общностями во многом определяли потенциал территории и предпосылки для образования системы управления. При относительно комфортных условиях происходила концентрация потенциала власти, что давало возможность для формирования собственной периферии.

Трансформации социального ландшафта сопровождались урбанизацией, в рамках которой наблюдалась социально-трудовая миграция из провинции – в центр (город). Ретроспективный взгляд на центр (город), в котором располагаются рынок и ремесленное / цеховое производство, был экономически привлекательным для жителей периферии, обеспечивая значительный миграционный поток различных категорий граждан. Таким образом, центр (город) как место экономической концентрации обеспечивал возможность получения зарплаты, прибыли и концентрации финансовых средств.

Возможность регулярного заработка привлекала в центр (город) несвободных людей, которые были обязаны выполнять финансовую повинность перед господином. На эту категорию обращал внимание М. Вебер, отмечая, что «западный город как в древности, так и в России был местом перехода из несвободного состояния в свободное благодаря возможности дохода, представляемой денежным хозяйством» [Вебер, 1994: 332].

Центр (город) становится местом концентрации различных социальных групп, увеличивая риски конфликтного взаимодействия и общественного движения против властей. В этих условиях, по сути, закладывались ключевые принципы в действиях власти, направленные на то, чтобы сдерживать социальное напряжение в «центре», которое, при определенных условиях, было способно запустить делегитимационные процессы на подконтрольных территориях провинции. Если в начале для поддержания социального порядка власть нередко прибегала к прямому принуждению, то с течением времени акцент уже делался на законодательные практики и механизмы взаимодействия с обществом.

Рост промышленного производства и концентрация его в центрах (городах) усиливали урбанизацию. Централизация рабочих мест сопровождается централизацией людей. Быстро развивающийся производственный сектор, который обычно имеет централизованную

локализацию, как правило, втягивает сельских мигрантов. Поэтому люди мигрируют не только между экономическими секторами, но и между типами поселений. Они переходят на те перспективные городские территории, которые благоприятны для индустриализации. Таким образом, развитие сосредоточено в городах, в то время как более обширные внутренние районы стагнируют или даже могут стать ретроградными [Hosszú, 2009: 9].

Урбанизация имела значительные экономические, культурные и политические последствия. Были запущены процессы социальной стратификации и разделения, поскольку люди из разных регионов, с разным происхождением были вынуждены конкурировать за возможности и ресурсы в перенаселенном городском ландшафте. Появлявшиеся в городах люди превращались в избирателей, участвуя в электоральных процессах.

Данные трансформации в свое время актуализировали дискурс вокруг дихотомии между городом и деревней, которая была концептуализирована в контексте классовой теории. «Противоположность между городом и деревней возникла с появлением города как результата развития производительных сил и общественного разделения труда и развивалась по мере отделения от земледелия (сельского хозяйства) все новых отраслей производства, концентрирующихся в городах» [Переведенцев, 1983: 543]. При этом, в центре дихотомии находились господствующие и трудящиеся классы города и деревни, которые противостояли друг другу. Данное противопоставление подтверждало высокую степень противоречивости между городом и деревней, обусловленную неравномерным распределением экономических благ.

Таким образом, существующие противоречия оказывали влияние на культуру населения, которая неминуемо содержала в себе оценочные суждения жителей города – деревни / провинции – центра по отношению друг к другу, что в свою очередь культивировало почву для конфликтного дискурса.

Наряду с урбанизацией можно наблюдать и обратный процесс перемещения людей из центра на периферию. В современной науке существует несколько понятий, описывающих это явление. В частности, М. Айнсаар выделял: деконцентрация – отток населения из крупных городов в менее густонаселенные районы (иногда также называют *deurbanisation*, *desurbanisation* или *disurbanisation*). Деконцентрация – включает субурбанизацию и контрурбанизацию. Субурбанизация – это отток населения в основном в ближайшие районы крупных городов (также его называют разливом или продолжающимся ростом городов за его границами). Контрурбанизация – это миграция в более отдаленные районы [Ainsaar, 2004: 21].

Процесс субурбанизации в определенной мере можно считать естественным развитием пространства центра (города), требующего расширения. Развитие инфраструктуры; транспортная доступность; низкая, относительно центра, стоимость жилья; благоприятные экологические условия могут стать определяющими в вопросе выбора места проживания. При этом, нахождение в рамках городской агломерации или на территории относительной периферии не прерывает связь с центром. В свою очередь, процесс контрурбанизации, на наш взгляд, в меньшей степени можно обосновать

экономическими мотивами, поскольку периферийные территории чаще всего носят догоняющий характер в сфере социально-экономического развития. Не случайно А. Грамши отмечал: «то, что в городе превратилось в “утиль”, в провинции еще остается “оружием труда”» [Грамши, 1991: 479].

Нахождение в руках центра передовых технологий для различных областей хозяйствования ставит его в доминирующее положение относительно периферии, где темп модернизации замедлен. На это, в свое время, обращал внимание Д. Фридман [Friedmann, 1966], в рамках модели «центр – периферия» / «ядро – периферия». При этом, уровень восприятия у отдаленной и близлежащей периферии различен. Если ближняя периферия, за счет интенсивных и регулярных контактов, постепенно принимает новшества, то дальняя периферия консервативна и достаточно автономна.

Обеспечение относительно равномерного экономического развития периферийных территорий и создание условий для инвестиционной привлекательности провинции является важной задачей для «центра». Её решение может быть обеспечено за счет устойчивого коммуникационного взаимодействия в различных сферах.

Так, Л. Загитова, выделяя среди прочих производственно-технологические коммуникации, отмечала, что они «обеспечивают формирование полицентрической конфигурации полюсов роста, что является предпосылкой для интеграции точек роста в рамках урбанизированной полиареальной структуры (динамическая фокальная сеть с участием территориально удаленных экономических агентов, в том числе субъектов малого и среднего предпринимательства), включающей периферии. Тем самым создаются необходимые предпосылки для трансфера технологий и преодоления разрыва между центром и периферией» [Загитова, 2014: 15]. Таким образом, в рамках пространственной экономической характеристики, принимая во внимание то, что центр обладает опережающим темпом относительной периферии в вопросе восприятия инноваций, дистанция между центром и периферией то увеличивается, то уменьшается, поскольку периферия время от времени подтягивается к центру.

Обращая внимание на данный процесс, Н. Зубаревич отмечала, что «диффузия инноваций от центров их создания на периферию происходит эволюционно двумя путями: по сложившейся иерархической системе городов-центров (от наиболее крупных городов к меньшим по размеру и статусу), т.е. в пространстве всей страны, и в пригороды, прилегающие к центрам, “растекаясь” на соседние территории, что особенно интенсивно происходит в пределах крупнейших агломераций» [Зубаревич, 2017: 47].

Подобный характер трансмиссии инноваций, с одной стороны, может способствовать сокращению дистанции между центром и провинцией, с другой, – поддерживает укрепившуюся иерархическую структуру и зависимость. Такое положение дел нельзя, в полной мере, расценивать как эффективное, поскольку в этой системе провинция является лишь потребителем готовых решений, при этом не развиваясь самостоятельно. Что касается России, то последствия таких «разрывов» могут быть

катастрофическими. Изменению положения дел может способствовать создание в провинции точек роста, в виде особых экономических зон или научно-образовательных центров, которые способны стать драйверами для развития регионов России.

В современных российских условиях мы имеем исторически сложившееся сосредоточение в «центре» экономических, трудовых, интеллектуальных ресурсов, сопровождающееся поддержанием патетического образа столицы. На это обращал внимание Д. Замятин: «взаимодействие экономико-географических образов Центра и регионов в российской ситуации второй половины 1990-х гг. происходило путем чрезмерного идеологического насыщения образа Центра. И прежде, в советскую эпоху, Москва была сакральным экономико-географическим центром, где размещался Госплан – географический топос экономической власти в СССР. В постсоветскую эпоху экономико-географический образ Центра, образ Москвы приобрел еще более мощную властную окраску, при этом само образно-географическое пространство экономической власти сильно сжалось, сосредоточившись в немногих реальных локусах московской топологии» [Замятин, 2006: 358].

Инерционная сверхцентрализация Москвы ложится на нее существенным бременем, требуя от власти серьезно участия. В этой связи, показательным выступает сравнение расходов Москвы с расходами других регионов России (см. Приложение) [Сравнение с регионами].

Проанализировав данные с 2015 по 2022 год, становится ясно, что столица имела самые высокие фактические расходы, превосходя по этому показателю все остальные регионы. В 2015 г. расходы Москвы составляли 1529126,8 млн руб., которые, увеличиваясь с каждым годом, в 2022 г. достигли отметки в 3616552,7 млн руб., что составило рост на 136,5% за 8-летний период. Эта тенденция отражает экономический рост региона, сопровождающийся увеличением инвестиций в инфраструктуру, технологии и человеческий капитал, что приводит к повышению производительности экономики и уровня жизни. Можно предположить, что увеличение фактических расходов продолжится в ближайшие годы, поскольку Москва остается

крупнейшим экономическим центром страны, привлекательным для инвестиций. Существенная диспропорция между Москвой и субъектами РФ

фиксируется и в рамках сопоставления данных валового регионального продукта (ВРП) [Валовый региональный продукт].

В течение 2016 – 2020 гг. на фоне разных тенденций в развитии регионов положительную динамику ВРП демонстрировал Дальневосточный федеральный округ, которая обеспечивалась либо за счет стабильного поддержания уровня, либо небольшого прироста у входящих в него субъектов. Фиксируемый тренд, вероятно, был связан с пристальным вниманием власти к Дальнему Востоку и деятельностью профильного министерства. Этот пример показывает важность активной роли властей для того, чтобы регион мог полностью раскрыть свой потенциал.

В свою очередь Москва, и без того демонстрируя самый высокий уровень ВРП среди всех регионов России, за исследуемый период увеличила свою долю на 0,8% в общем объеме. Это говорит о том, что экономическая активность Москвы значительно выше, чем остальных субъектов России. Такая тенденция во многом обусловлена высокой инвестиционной привлекательностью столицы, на что указывали Н. Чуркина и С. Заверский. Среди факторов авторы выделяли:

- «выгодное экономико-географическое положение на пересечении основных транспортных узлов;
- особенности ведения бизнеса в России, которые толкают национальные и зарубежные компании на открытие офисов в Москве с тем, чтобы сократить издержки доступа к органам государственной власти;
- концентрация основных политических и экономических институтов и трудовых ресурсов;
- высокая централизация системы государственных и муниципальных финансов России по осям «федерация – регионы» ...<...>... и «Москва – иные регионы»» [Москва мешает экономическому развитию регионов, 2013].

Таким образом, Москва обладает двумя явными преимуществами с точки зрения экономического роста и развития. Во-первых, в городе проживает большое население и расположены множество бизнес-структур – от индивидуальных предпринимателей до крупнейших компаний и госкорпораций. Это обеспечивает прочную основу для экономического роста, поскольку налог на доходы физических лиц и налог на прибыль организаций выступает в качестве ключевых источников наполнения бюджета столицы [Доход бюджета]. Во-вторых, концентрация власти, позволяющая эффективно принимать решение и проводить политику.

Неравенство между Москвой и другими регионами, с одной стороны, указывает на то, что они развиваются не такими темпами, как столица, с другой, – на неравномерное распределение инвестиций и ресурсов по всей стране. Ранее на это обращали внимание эксперты Всемирного банка, отмечая, что «пространственное неравенство – нередкое явление как в развитых, так в развивающихся странах, поскольку оно отражает естественную тенденцию к

сосредоточению экономической деятельности в производительных городах ...<...>... Однако в России выше уровень пространственного неравенства, чем в большинстве сопоставимых экономик» [Преодоление пространственного неравенства, 2018: 10].

Такая тенденция дает основание говорить об отсутствии у некоторых регионов необходимых драйверов для экономического развития, на что в свое время указывала Н. Зубаревич: «самое тяжелое – это не экономическое неравенство регионов, хотя оно велико, а гигантская середина – это регионы, у которых нет явных конкурентных преимуществ, им не за что зацепиться, чтобы подтягиваться. Аутсайдерам помогают трансферами, а середина острее всего чувствует торможение в развитии» [Проценко, 2020].

Это свидетельствует о том, что такие регионы, столкнувшись с длительным периодом экономической стагнации из-за нехватки ресурсов и государственной поддержки, в значительной степени подвержены рискам потери населения. Миграция населения в более крупные города и столицу в погоне за лучшими экономическими возможностями, вероятно, будет способствовать повышению уровня неравенства в обществе, поскольку люди, проживающие в более развитых регионах, смогут извлечь выгоду из доступных им ресурсов и инфраструктуры, в то время как те, кто живет в депрессивных регионах, будут оставаться в невыгодном положении.

Чрезмерная централизация столицы и сосредоточенность власти на обеспечении комфортного там пребывания могут привести к формированию определенного чувства обделенности среди жителей провинции, которые не в состоянии осуществить переезд. В конечном счете это может снижать уровень доверия власти и актуализировать делегитимационные процессы. В этой связи А. Осипов отмечал, что «в общественном мнении российской провинции сложилось представление, что на территории государства фактически существуют две страны: Москва и остальная Россия» [Осипов, 2003: 187].

Значительная социально-экономическая оторванность столицы от провинции формирует в некотором роде параллельную реальность, которая в полной мере не может быть регламентирована властью «центра». При этом власть на местах в большей мере пронизана неформальными, клановыми связями, чем обязательствами перед вышестоящими структурами. На это обращали внимание С. Кордонский и Ю. Плюснин, указывая на значительную долю занятых в неформальном секторе экономики жителей российской провинции, которая, к тому же, не всегда находится в фокусе власти. Такая ситуация, по мнению авторов, устраивает всех. «Государство, лишаясь налогов, экономит на социальных выплатах. Неформалы спокойно переживают кризисы, не протестуют против сокращения госрасходов на здравоохранение и образование, так как привыкли решать свои проблемы собственными силами и деньгами» [Жизнь российской провинции скрыта от государства, 2015].

Таким образом, в свете концентрации богатств в Москве важно отметить, что другие регионы России не обязательно лишены ресурсов, а большинство граждан имеет доступ к основным удобствам и услугам. При этом, крайне важно, чтобы региональные различия внутри страны были признаны и

устранены, поскольку Москва – не единственный регион, способный демонстрировать экономическое процветание. Это дает основание считать, что построение устойчивой и инклюзивной экономики в России требует многогранного подхода, который признает и учитывает, как региональные различия, так и общий экономический ландшафт в стране.

В свою очередь, трансформационные процессы, в рамках которых возможно возвышение или упадок центров, могут изменять общий социально-экономический, политический и культурный ландшафт, сохраняя при этом принципы взаимоотношений между центром и провинцией. В сегодняшних экономических обстоятельствах, учитывая общий бизнес-имидж и инвестиционную привлекательность пространства, игнорирование сложившихся экономических центров маловероятно. При этом появление новых центров во многом может происходить с согласия и по воле старого центра, который руководствуется своими собственными интересами. Однако следует понимать, что в условиях информационного общества, центры способны возникать достаточно рандомно. В свою очередь провинция будет то приближаться, то отдаляться от центра, сохраняя при этом свой маргинальный характер и действуя конъюнктурно в собственных интересах.

Список литературы

Валовый региональный продукт, 2023 – Валовый региональный продукт по субъектам Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRP.xlsx (дата обращения: 03.03.2023)

Вебер, 1994 – *Вебер М.* Город / пер. с нем. М.И. Левиной; прим. Л.Т. Мильская / Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. С. 309–446.

Грамши, 1991 – *Грамши А.* Тюремные тетради. В 3 частях / Под общ. ред. М.Н. Грецкого, Л.А. Никитич; пер. с ит. Г.П. Смирнова (рук. гр. пер.) и др. М.: Политиздат, 1991. Ч. 1. 560 с.

Доход бюджета, 2023 – *Доход бюджета* // Открытый бюджет города Москвы. URL: <https://budget.mos.ru/budget/income> (дата обращения: 04.03.2023)

Жизнь российской провинции скрыта от государства, 2015 – Жизнь российской провинции скрыта от государства // IQ.HSE.ru. 2015. 10 июня. URL: <https://iq.hse.ru/news/177665034.html> (дата обращения: 19.11.2021)

Загитова, 2014 – *Загитова Л.Р.* Влияние пространственного фактора на российскую макроэкономическую динамику: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01. Казань, 2014. 25 с.

Замятин, 2006 – *Замятин Д.Н.* Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.

Звоновский, 2003 – *Звоновский В.Г.* Российская провинция: массовое сознание и социальные институты // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 78–89.

Зубаревич, 2017 – *Зубаревич Н.В.* Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Мир новой экономики. 2017. № 2. С. 46-57.

Москва мешает экономическому развитию регионов, 2013 – Москва мешает экономическому развитию регионов // IQ.HSE.ru. 2013. 28 октября. URL: <https://iq.hse.ru/news/177668896.html> (дата обращения: 4.03.2023)

Осипов, 2003 – *Осипов А.Г.* Управление территорией. Актуальные проблемы / под общ. ред. И.В. Лесных. Новосибирск: СГГА, 2003. 378 с.

Переведенцев, 1983 – *Переведенцев В.И.* Противоположность между городом и деревней // Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1983. С. 543–544.

Преодоление пространственного неравенства, 2018 – Преодоление пространственного неравенства: как снова собрать советский «палз» в условиях рыночной экономики. Всемирный банк, 2018. 56 с. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/29866> (дата обращения: 04.03.2023)

Проценко, 2020 – *Проценко Н.* Москва снова не Россия: деградация регионов – главный вызов 2020-х // EurAsia Daily. 2020. 13 января. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/01/13/moskva-snova-ne-rossiya-degradaciya-regionov-glavnyu-vyzov-2020-h> (дата обращения: 03.03.2023)

Сравнение с регионами, 2023 – Сравнение с регионами. Расходы // Понятный бюджет. URL: https://budget.permkrai.ru/compare_budgets/expenses (дата обращения: 17.02.2023)

Ainsaar, 2004 – *Ainsaar M.* Reasons for more: a study on trends and reasons of internal migration with particular interest in Estonia 1989-2000. Turku: Turun yliopisto, 2004. 222 p.

Friedmann, 1966 – *Friedmann J.* Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1966. 279 p.

Hosszú, 2009 – *Hosszú S.* Counterurbanization. A literature study. Danish Institute of Rural Research and Development (IFUL); University of Southern Denmark, 2009. 67 p.

Приложение

Фактические расходы

